

М. П. ПОГОДИН

Петр Первый и национальное органическое развитие

I

Слава, как луна, имеет свои фазы. Слава Петрова находится ныне в ущербе: многие вновь открытые документы из архивов Тайной Канцелярии бросили в последнее время мрачную тень на его личный характер, а пробуждающееся народное сознание преисполняется в некоторых негодованием на него за насильственное подчинение России иностранному, европейскому влиянию.

Точно — есть ужасные страницы в *Истории Петра Великого*! Я сам исследовал одну, и волосы часто становились у меня дыбом, кровь прилиwała к сердцу при чтении жестоких, беспрерывных, в продолжении месяцев, розысков, например, по делу царевича Алексея, по делу царицы Евдокии¹, по делу стрельцов; есть возмутительные злоупотребления силы, не знающей никаких границ своему произволу, например, при основании Петербурга, при рытье каналов, или при введении иностранных обычаев; есть ненужные, по-видимому, почти прихотливые разрушения старых учреждений, имевших свою самобытность, законность и пользу. Точно, по делам Тайной Канцелярии² Петр является часто лицом, возбуждающим ужас и отвращение, — но разве всю свою жизнь поводил он в селе Преображенском и Петропавловской крепости? Не угодно ли безусловным его обвинителям прогуляться по России? И в Архангельске, Воронеже, Кронштадте, Переяславле, Астрахани, Нарве, Азове, Дербенте, Полтаве, на всяком почти шагу в России, бросятся им в глаза следы Петровой деятельности другого рода.

В одиннадцатом, двенадцатом часу, перед полночью, Петр, на наш взгляд, бывает иногда безобразен, но посмотрим на него в

пятом часу утра (он вставал всегда в четыре), последуем за ним в шестом часу, в седьмом часу, и так далее, вплоть до этого одиннадцатого и двенадцатого часа, когда он поражает наблюдателя так для себя невыгодно, сочтем, сколько дел он переделал в этот день, много ли минут отдыхал или оставался в праздности, посмотрим, какие мозоли натер он себе на руках и ногах, — и тогда мы будем принуждены судить о нем иначе. Для камердинеров и лакеев не бывает великих людей.

Читая о Петре I как о юмористе, нельзя, правда, не пожимать плечами на всякой странице, но таких страниц наберется ведь только десять или двадцать, а если собрать о нем сведения как о хозяине, то их не уместить и на тысяче страниц. А потом представится он вам еще как полководец, как мореплаватель, как распорядитель, ученый, мастеровой, законодатель!

Надо обозреть совокупность действий, исследовать их источник, сообразить средства, оценить цель; надо рассмотреть беспристрастно время, в которое Петр жил, среду, в которой обращался, обстоятельства, в которых находилась и находится Россия в отношении к Европе, и только на многостороннем изучении обширного вопроса, во всех его подробностях, *sine ira et studio*, можно подать голос, имеющий право на внимание или произнести уважительное мнение.

А вынуть одно происшествие из целой жизни или один час из двадцати четырех, без внимания к времени и обстоятельствам и судить по ним о великом государственном деятеле, не только несправедливо, но и дерзко, безрассудно и нелепо.

Некоторые добросовестные исследователи начали обрабатывать историю Петра I по частям, собирать и разбирать все свидетельства, относящиеся к той или другой, — это дело полезное и почтенное, и собрание таких монографий доставит лучшие материалы для оценки вместе с общим обозрением, над которым с таким успехом трудится г. Устрялов, значительно уясняющий задачу сообщением новых документов и проведением в ясный порядок прежних.

Не надо упускать из виду и отзывы современников: что думали и говорили о Петре лучшие и умнейшие между ними и их ближайшими потомками; наконец, как судили о нем достойнейшие русские люди. Я укажу для примера на Татищева, Ломоносова, князя Щербатова, Карамзина и Пушкина.

Татищев жил и служил при Петре I, видел его лицом к лицу. Он управлял Астраханью и Уральскими заводами. Татищев оставил нам пространную «Русскую историю» с разнообразными примечаниями, много юридических рассуждений, наконец, на-

ставление детям. По этим сочинениям и действиям можно составить себе понятие о его уме и способностях: как же он отзывается он о Петре I? С восторгом и благоговением.

Ломоносов родился при Петре, и при нем, среди народа, провел свое детство, жил среди его современников и видел дела его по горячим следам: отложим в сторону риторику и поэзию из его поэмы и похвального слова, искреннее удивление подвигам Петра, горячее чувство останутся в полной силе.

Князь Щербатов, с которым мы только что познакомились по вновь открытым его запискам, важным и в высшей степени замечательным, был человек прямой и беспристрастный: он говорил искренно не только о пороках Петра Великого, но и о пороках Екатерины II, от которой получал милости: что же в итоге он говорит о Петре?

Карамзин, одна из самых высоких русских личностей, Карамзин, за пятьдесят лет до последних толков, когда в голову никому не приходила политическая критика, выразивший ясно и сильно свое мнение о новой истории и ее представителях, воздал Петру полную хвалу, не щадя его увлечений.

Наконец, Пушкин, вещий поэт, силою творческого воображения восстановивший много древних образов с их плотью и кровью, сказал о Петре I:

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Даже голоса Крекшина³, Штелина, Голикова, которые заставили самых близких современников Петра Великого, нельзя оставлять без внимания, несмотря на их увлечения и преувеличения, или, лучше, принимая их к соображению. Никакого подогретого восторга не стало бы на сто томов оставленных ими: должны были быть какие-нибудь достаточные причины!

Некоторые противники не довольствуются даже осуждением Петра за его действия, но распространяют свое осуждение на него и за действия его преемников. Для них нет ничего хорошего в новой русской истории и они составляют противоположность с другими судьями, которые говорят то же самое, и даже с большим ожесточением, о древней.

В предполагаемом рассуждении я постараюсь изложить как можно проще и яснее настоящее положение вопроса. Я буду говорить иногда словами прежних своих споров с обеими сторонами, подтверждая новыми открытиями и наблюдениями.

II

Первый мой тезис будет относиться к европейскому влиянию, которому, со времен Петра подверглось все наше бытие, умственное и нравственное, душевное и телесное, которому все мы, волею и неволею, подчиняемся и от которого никто, ни на какой стороне, ни на востоке, ни на западе, в Петербурге и Москве, Архангельске и Астрахани, Смоленске и Иркутске, в наших собственных домах, отрешиться не в силах.

«Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы везде не встретился с нами Петр, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу!

Мы просыпаемся. Какой нынче день? 18 сентября 1863 года*. Петр Великий велел считать годы от Рождества Христова, Петр Великий велел считать месяцы от января.

Пора одеваться — наше платье сшито по фасону, данному первоначально Петром I, мундир по его форме. Сукно выткано на фабрике, которую завел он, шерсть настрижена с овец, которых развел он.

Попадается на глаза книга — Петр Великий ввел в употребление этот шрифт и сам вырезал буквы. Вы начнете читать ее — этот язык при Петре I сделался письменным, литературным, вытеснив прежний, церковный.

Приносят вам газеты — Петр Великий начал их издание.

Вам нужно купить разные вещи — все они, от шелкового шейного платка до сапожной подошвы, будут напоминать вам о Петре Великом; одни выписаны им, другие введены им в употребление, улучшены, привезены на его корабле, в его гавань, по его каналу, по его дороге.

За обедом, от соленых сельдей до картофеля, который сенатским указом указал он сеять, до виноградного вина, им разведенного, все блюда будут говорить вам о Петре Великом.

* Напоминаем, что это писано в 1840 году.

После обеда вы едете в гости — это ассамблея Петра Великого. Встречаете там дам, допущенных до мужской компании по требованию Петра Великого.

Пойдем в университет — первое светское училище учреждено Петром Великим.

Вы получаете чин — по табели о рангах Петра Великого.

Чин доставляет мне дворянство: так учредил Петр Великий⁴.

Мне надо подать жалобу: Петр Великий определил ее форму. Примут ее перед зеркалом Петра Великого. Рассудят по его генеральному регламенту.

Вы вздумаете путешествовать — по примеру Петра Великого; вы будете приняты хорошо — Петр Великий поместил Россию в число европейских государств и начал внушать к ней уважение и пр. и пр. и пр.

Место в системе европейских государств, управление, разделение, судопроизводство, права сословий, табель о рангах, войско, флот, подати, ревизии, рекрутские наборы, фабрики, заводы, гавани, каналы, дороги, почты, земледелие, лесоводство, скотоводство, рудокопство, садоводство, виноделие, торговля внутренняя и внешняя, одежда, наружность, аптеки, госпитали, лекарства, летосчисление, язык, печать, типографии, военные училища, академия — суть памятники его неутомимой деятельности и его гения.

Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему, всему дал движение или направление или саму жизнь. Что теперь ни думается между нами, ни говорится, ни делается, все, труднее или легче, дальше или ближе, повторяю, может быть доведено до Петра Великого. У него ключ или замок».

Как потомки Адамовы рождаются, нося в существе своем следствия первородного греха, так точно все мы русские от рождения своего подвергаемся влиянию Европы или Петровой реформы. Как нечего толковать людям, бранить и осуждать, судить и рядить, зачем Адам сорвал и съел роковое яблоко, а должны они думать, как возратить себе потерянный рай, чтобы в немощи совершилась сила, так точно бесполезно разбирать нам задним числом с практической точки зрения действия Петровы, а должны мы стараться, удержав из них дельное и доброе, присоединять к тому все годное из народной жизни, старой, средней и новой, сколько в ней того сохранилось, — и идти вперед.

Этим оканчиваю я *первый мой тезис* о неизбежном присутствии в образованных русских людях европейской стихии, и о бесполезности осуждать Петрову реформу, разве в науке.

III

Второй мой тезис будет относиться к невозможности, в которой Россия находилась, уклониться от европейского влияния. Заимствую несколько слов из той же статьи.

«Россия есть часть Европы, составляет с ней одно географическое целое, и, следовательно, по физической необходимости, должна разделять судьбу ее и участвовать в ее движении, как планета повинуетя законам своей солнечной системы. Может ли планета перескочить из одной сферы в другую? Может ли Россия оторваться от Европы? Волей и неволей она должна была подвергнуться влиянию Европы, когда концентрические круги западного образования, распространяясь непрерывно дальше и дальше, приблизились к ней, и начали ее захватывать. Пусть называют это образование чумой, — но для такой чумы, самой тонкой, самой быстрой, упругой, не существует никаких застав, никаких карантинных, никаких таможен, никаких преград. Эфир все пронизывающий зло, пожалуй, необходимое, неизбежное! Можем ли мы теперь отказаться от употребления машин, железных дорог? * Не можем, даже потому только, что живем в Европе. Не можем — пары принесутся сами и повезут нас по Волге, по Днепру, по Черному морю, будут ткать нам сукно, тянуть бумагу; железные дороги придут сами и лягут по нашим гатям, как прежде пришли и установились типографские станки, как прежде пришли и грянули пушки. Ежели австрийцы будут поспевать из Вены до Варшавы в день, то как же нам ехать туда неделю?»

«Точно так же прежде Петра Великого, мы не могли отказаться от пороха, от огнестрельного оружия: иначе были бы побиты на первом сражении и нас бы не стало».

И все народы в мире подвергались влиянию один другого: в древности — греки влиянию египтян, римляне влиянию греков, хотя Катон Старший проклинал их образование, а в новом мире вся римская и германская Европа подчинилась Риму, потом христианству. Таков закон истории для всех государств. Мы пришли позднее всех, и, как младшие братья, понесли сугубое и трегубое иго: норманны, греки, монголы, немецкие и прочие выходцы, родоначальники наших дворянских фамилий, действовали последовательно на Россию до Петра.

* В первый раз напечатаны были эти слова 11 января 1841 года.

IV

Третий мой тезис будет иметь предметом естественное развитие, на которое сильно напирают многие. Такое развитие прекрасно, возделенно, но где же оно было в истории, полное и чистое? Припоминаю заключение второго тезиса о взаимном влиянии всех исторических народов: нельзя же России быть исключением. Рассуждать при каком бы то ни было событии, «что было бы, если...» совершенно бесплодно и бесцельно. На такой вопрос никто ничего отвечать не может. Можно судить только по действительно совершившимся событиям, и в этом отношении мы находим в истории прискорбные указания, что залогов внутреннего развития было у нас недостаточно.

Новгород, например, находился несравненно в благоприятнейших обстоятельствах, нежели все прочие русские княжества. Он был силен, когда Киев, Владимир, Москва, таились в зародышах. Все соседи были его слабее. Случались, наконец, моменты, которые могли пробудить всякую деятельность, навести на новые мысли. Нет, не умели новгородцы воспользоваться ни одним из этих моментов, сплеховал Мирошка, не догадался Якун, прозевал Мирослав, Михалко, Твердислав*, — и остались новгородцы среди всех успехов *in statu quo*, представляя по временам блистательные черты великодушия, благородства, бескорыстия, твердости, неустрашимости. И пал Новгород, и след его развеялся по ветру! Что же это значит? Значит, что в нем не было залога твердости, залога развития.

Для тучной русской почвы нужно европейское семя, и вот необходимость, законность Петра!

Напрасно будут говорить, как и было уже говорено, что европейское образование могли бы мы заимствовать тихо, мирно, постепенно, добровольно. Напрасно, — потому что тот же Новгород, испокон века находившийся в тесных сношениях с норманнами, самым европейским племенем VIII, IX и X веков, потом с немцами, поселившимися у него под боком, и наконец с ганзою — все-таки остался при своем, ни взад, ни вперед. Значит, старое или хоть устарелое дикое мясо нужно было прижечь ляписом.

Раскольники представляют, по моему мнению, другое разительное доказательство, что одного русского элемента мало для развития жизни, в европейском значении этого слова. Раскольники остались при своем, не подверглись европейскому Петрову

* Знаменитые новгородские посадники.

влиянию, приняли в себя еще новую силу, значительную силу гонения, — что же они представили даже в своей религиозной сфере, в коей вращаются преимущественно? Ничего. Они ушли назад, а не вперед, и некоторые, на мой взгляд важные положения, ими выработанные, не представляют никакой жизненности, никакой подвижности, никакой зелени: это гнилые плоды. Опять необходимость европейского начала, и, следовательно, Петра.

V

Четвертому своему тезису я дам следующую форму: древней России необходима была реформа, обновление, преобразование, во что бы то ни стало.

Машина ее совершенно обветшала: рассмотрите тогдашнее общество, разберите все его элементы, все составные части, — и вы согласитесь, что в прежнем положении оставаться было нельзя.

Пересчитайте царские выходы: из чего большею частью состоял царский день? Заутреня, обедня, вечерня, стол обеденный, ужинный, соколиная охота, медвежья травля, лошади, шуты, скоморохи и т. п.

Чем занимались бояре, их жены, дочери? До какого безобразия дошло местничество, составлявшее душу всего высшего сословия, видно из уцелевших дел.

О суде довольно перечесть пословицы Даля⁵.

Вспомним предания о воеводах, в руках которых находилась судьба граждан? Что такое боярские козни, свидетельствует как при царе Михаиле Федоровиче казнь знаменитого Шеина, так при царе Алексее Михайловиче суд над патриархом Никоном, при царе Федоре Алексеевиче ссылка Матвеева. Козням открылось широкое поприще при слабости последнего царя, физической и нравственной.

Внимательно рассматривая состояние России в конце XVIII века, видим совершенное расстройство, как перед норманнами, перед монголами, перед временем Иоанна III, — болезнь к росту. Требовалось новое издание, revue, corrigée et augmentée, требовалась реформа. Застарелые язвы точили внутренность, огонь распространялся по всем конечностям, и ей нужен был сильный, ловкий, смелый оператор, — указать на другого, вместо Петра I, едва ли кто решится!

VI

Пятый тезис: реформа началась в России задолго до Петра, чего никак не хотят понять многие противники Петра, сваливая на него всю вину за преобразования.

Реформа началась с церкви, в лице патриарха Никона⁶. Явилась и национальная, если не органическая, то по крайней мере физическая оппозиция, ставшая за старину безусловную, — раскольники.

Как поступлено с раскольниками в царствование добродушного и кроткого царя Алексея Михайловича, всем известно.

Не миновал кары в свою очередь и благонамеренный реформатор патриарх Никон.

Петр I, скажем мимоходом, пощадил патриарха Адриана, и уже по его кончине, ударив кортиком по столу, воскликнул: вот вам патриарх! А отец его, добрый царь Алексей Михайлович, заставил свергнуть и осудить живого патриарха в ссылку. В каком действии было больше насилия?

Одно свержение патриарха в древней России, по каким бы то ни было причинам, служит ясным доказательством, что лед тронулся, и наступила другая, новая пора.

Вслед за царем Алексеем Михайловичем, при сыне его Федоре, сжигаются торжественно на площади разрядные книги и уничтожается местничество, самое сильное учреждение, к которому не смел прикоснуться сам Иоанн Грозный. Ясно ли, что наступила пора преобразований и никакого действия, насильственнее, смелее, радикальнее, отыскать в истории нельзя. В этом случае нет и тени органического постепенного развития. Сжечь все книги, чтобы духу их не осталось «в совершенное проклятых мест и гордости искоренение!». Здесь уже слышится, чувствуется Петр. А ведь это произошло не в Петербурге, а в Москве, в сенях, перед государевою палатой!

Реформа эта представляет великое явление, которое у нас не оценено еще достаточно.

Но вот еще реформа, не менее значительная, в другом роде: учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии⁷, для которой прибыло из Киева множество воспитанников, знакомых с западной схоластикой, с римской литературой и со всей европейской наукой. Епископы, архиереи разошлись из Москвы по всей России с совершенно уже новым образованием. Реформа это или нет? Имеет она малейшую связь с домашним органическим развитием?

А магдебургское право⁸ в западных нынешних губерниях?

Солдаты, музыканты, комедианты, мастеровые, стекались гурьбами в Москву и заселяли целые слободы, которых имена сохранились до нашего времени.

Реформа предчувствовалась, вызывалась, испытывалась, и реформа именно европейская: домашняя русская жизнь выходила сама собою на европейскую торную дорогу.

VII

В конце XVII столетия внешние отношения России к соседним государствам, Польше, Швеции и Турции, сделались слишком страшными, так что жизнь ее, политическое существование подвергались опасности. Если незадолго до Петра Польша думала овладеть Россией и имела уже в своих руках Москву, если шведы мечтали взять себе Новгород, и шведский принц готовился быть русским государем, то чего должно было ожидать нам от Карла XII?

Граф Алексей Толстой⁹, один из новых и талантливых наших писателей, написал в прошлом году замысловатую песенку о крутой соленой каше, заваренной Петром Первым, которую пришлось расхлебывать нам, его детушкам.

Правда, что каша, заваренная и замешанная царем Петром Алексеевичем, крута и солоная, но по крайней мере есть что хлебать, есть с чего сыту быть, а попадись Карл XII на какого-нибудь Федора или Ивана Алексеевича, так пришлось бы, может быть, детушкам надолго и зубы положить на полку. Правда, что крупа попала в кашу и сорная, и затхлая, и прогоркляя, но ведь она получалась в кормовой дворец из села Измайлова, села Преображенского и села Семеновского, а там лучше нее припасено не было! Кто же виноват?

Не только вопрос: Польше, Швеции или России принадлежит господство на севере, но быть или не быть России на ту пору, зависел от того, кто на престоле русском будет встречать эту грозу, несущуюся с запада, в конце XVII и начале XVIII столетия.

Петр сделался не только основателем русской европейской державы, но и спасителем древней. Мы забыли теперь, кажется, это благодеяние Петра, и мне слишком прискорбно в этом случае, как и при спорах о происхождении варягов Руси, быть свидетелем такого низкого уровня исторических сведений в обществе. Пусть скажут мне безусловные противники Петра, кого противопоставили бы они Карлу XII на полях полтавских? Нет, неког-

да было ожидать тогда органического развития, а надо было спасать как-нибудь и во что бы то ни стало. Петр спас древнюю Россию — вот мой *шестой тезис*.

VIII

Для спасения ее необходима была европейская реформа. Выбора не было. *Это седьмой тезис*.

Я приведу здесь в доказательство этого тезиса еще несколько слов из вышеупомянутой статьи моей о Петре Великом. «Петр преобразовал войско и обучил его на европейский манер. Что же? Разве это было не необходимо? Ему надо было сражаться с европейскими врагами, со шведами, пруссаками, поляками или немцами, следовательно, их оружием, их приемами, их тактикой и стратегией: на ружье с обухом идти нельзя. Вопрос о преобразовании войска при Петре тесно связан с вопросом о безопасности и самобытности России. Решусь сказать даже вот что: если бы не было прежде Петра, мог ли Александр бороться с Наполеоном?»¹⁰

«Петр преобразовал войско: не посоветуют ли Петру пощадить стрельцов? Я согласен, что в их истории есть несколько питических моментов, но оставить их на свободе после бунтов в пользу Софьи и ее любимцев, готовых верить всякой лжи и проливать какую угодно кровь, оставить их с тем, чтоб из них, с первыми удачными опытами, сделались опричники или преторианцы, не подумаю ни на минуту, несмотря на их национальность.

Итак, преобразование войска, особенно для Петра, было необходимо, а с войском связаны рекрутские наборы и постой, и ревизии, и подушные деньги, и выписанные иностранцы.

И начало этому преобразованию положено было гораздо прежде, чуть ли не со времен Бориса Годунова, которому служило уже много иностранцев, и служило с успехом, что продолжалось при Самозванце, при Михаиле и Алексее».

Учреждение флотов имело также свою необходимость: овладев приморскими берегами или думая овладеть ими, чтобы не подвергаться непрерывной опасности внезапного нападения, надо было позаботиться о средствах и мерах удержать их за собой, защитить, т. е. нужно было основать гавани, настроить кораблей, выучиться мореплаванию: выписать мастеров, послать путешественников в чужие края.

Не думаю я, чтобы кто-нибудь сказал еще, что нам не нужны были берега и Петр Первый должен был оставить их за шведами, поляками, турками: в таком случае вопрос о самом политическом существовании России подвергся бы сомнению, о существовании, без которого нельзя бы было теперь и рассуждать о действиях петровых.

Скажут, жила Россия без берегов почти тысячу лет! Жила, пока все соседи заняты были дома, пока они оставались вдали от нее и не могли еще простирать на нее свои виды. Обстоятельства переменятся, теперь и Китай недалеко от Англии.

А покорение берегов, т. е. присоединение Лифляндии, стоило Петру Великому двадцатилетней войны, которая была почти главной задачей его жизни, первой заботой, от осады Нарвы до Ништадтского мира, и окончилась только за четыре года перед его кончиной. Сколько мер и распоряжений соединено было с этой тягостной и решительной войной? Впрочем, и эта мысль, мысль о покорении Лифляндии¹¹, досталась ему также по наследству от его предков, которые, по какому-то удивительному предчувствию (заметному часто в истории государств и наук), были особенно ей привержены; припоминаю о двадцатилетней войне Иоанна Грозного, который только в очаровании своего болезненного страха, уступил ее Баторию; припоминаю о глубокомысленных мерах и усилиях Бориса Годунова, и, наконец, о походе в царствование Алексея Михайловича.

Следовательно, Петр Великий был здесь только деятельным, счастливым совершителем предприятия, замышленного, может быть и без дальних видов, его предками.

Для войска, для флота нужны оружие, амуниция: станут ли осуждать Петра, что он заботился об учреждении фабрик и мануфактур, вызывал мастеров и давал им жалованье, должен был поощрять торговлю?

Итак, вопрос наш о преобразовании или принятии западного элемента получает теперь совсем иную форму, вот какую: могло ли необходимое столкновение, сближение России с Европой, произойти иначе? Нельзя ли было взять в руки этот меч, обоюдоострый, осторожнее, ловчее, искуснее Петра Великого? Кто осмелится отвечать на такой вопрос? Кто скажет: можно? Не знаю! По крайней мере, не я. Я не берусь ни за что на свете предположить другой план Полтавского сражения, другой проект Ништадтского мира.

Пусть выберут какой угодно год из жизни Петровой и скажут: Петр должен был поступить не так, как он поступил, а вот как. Пусть объяснят мне, какое национальное преобразование,

какое органическое развитие можно вообразить в данных ему обстоятельствах!

Даже вопрос о бритве бороды и вопрос о немецком платье я не осмеливаюсь, за Петрово время, решить безусловно, так же как и о скорых мерах, жестокостях, казнях, кроме немногих случаев, когда были виной более всего, его темперамент и обстоятельства».

Да, Петр может сказать смело: еже сотворих, сотворих.

IX

Впрочем, многие его, по-нашему и даже собственному его мнению, нововведения есть не что иное, как древние постановления, имеющие глубокий корень в русской почве, только в новых формах, с новыми именами. Это *восьмой тезис*. «Вот задача нашим ученым юристам: пусть они объяснят эту важную и занимательную часть русской истории. Тогда мы увидим, что Петр I был во многих случаях только великим исполнителем, довершителем, который в своей душе, в своем уме, нашел запросы, содержащиеся в его народе и естественных отношениях его государства к прочим, нашел, взалкал и решился удовлетворить их, разумеется, по личному своему усмотрению. Тогда только, может быть, получим мы основательное право почтить одни учреждения и осудить другие, по примеру Карамзина, учреждения, к которым увлекся он, охваченный духом преобразования, ибо этот дух, как и всякий другой, может ослепить человека, породить пристрастие и возбудить желание разрушать все и переделывать, как дух войны гонит Суворова и Наполеона на поле битвы и услужливо доказывает им ее необходимость, как дух системы в философии или истории, или политике соединяет насильственно быти и ставит их под известным углом зрения».

X

Петр употреблял насилие, вводя свои преобразования, и передал эту систему основанному им Петербургу.

Это совершенно справедливо. Нет слов, которыми бы можно осудить достойно такую систему, но она была в порядке или беспорядке человеческих и государственных вещей. Жалобы на Петербург я могу найти, выраженные почти одинаковыми словами (не странно ли это?) на Москву в старых летописях. Прочие древние города так жаловались на Москву в ее время, как в пе-

тербургский период стали жаловаться на Петербург. Не прибегая ни к каким справкам, я приведу два-три места, которые подсказывает мне память: «О славнейший граде Пскове, великий во градах, почто бо сетуеши и плачеша? И отвеца прекрасный град Псков: како ми не сетовати, или како ми не плакати и не скорбети своего опустения! И прилетел бо на мя многокрылый орел, исполн крыле львовых когтей, и взят от меня три кедра ливанова, и красоту мою и богатство, и чада моя восхити, Богу попустившу на грехи наши, и землю пусту сотвориша, и град наша раззориши, и люди мои плениша, и торжища мои раскопаша; и отец и братию нашу разведоша, где не бывали отцы и деды, и прадеды наши, и матери и сестры наша, в поругание даша... Князь великий... посади наместника во Пскове... городничих и старост московских. А велел им правды стеречи. И у наместников, и у их тиунов, и у диаков великого князя, правда их и крестное целование возлетели на небо, а кривда в них нача ходити; и нача быти многая злая в них; быша не милостивы до Пскович. *А Псковичи бедная не ведоша правды московския.* И дал князь великий свою грамоту уставную Псковичам, и послал князь великий на пригороды наместника; а велел им приводити к крестному целованию пригорожан; и начаша пригородские наместники пригорожаны торговати и продавати великим и злым умышлением, подметом и поклепом; и бысть людем велик налог тогда! И начаша Псковичем наместники силу творити велику; а приставы их начаша от поруки имати по 10 рублей, и по 7 рублей, и по 5 рублей; а Псковитин кто молвил: великого князя грамотою почему от поруки имати велено? и они того убьют. И от их налогов и насильства многие разбегошася по чужим городам, пометав жен и детей».

А вот свидетельство из жития святого Сергия-чудотворца¹², по древним источникам: «Наста насилowanie много, сиречь княжение великое московское досталось князю великому Ивану Даниловичу, купно же досталось и княжение ростовское к Москве. Увы, увy тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая.. И послан бысть от Москвы на Ростов, аки некий воевода, един от вельмож именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Миняй. Егда внидоста в град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущее в нем, и не мало их от Ростовец Москвичем имения своя се нужею отдоваху, а сами противу того раны на телесе своем с укоризною взимающе, и тщима рукама отхожаху... И что подобает много глаголати! толико дерзновения над Ростовом содеяши, яко и самага того епарха град-

ского, старейшаго боярина ростовскаго, именем Аверкия, стремглав обесиша, и возложиша на ня руци своя, и оставиша поругана, точию жива, и бысть страх велик на всех слышащих. Сие не только во граде Ростове, но и во всех пределах его и во властех и в селех. И таковыя ради нужда, раб Божий Кирилл, (отец Св.Сергия), воздвижесе из веси оныя и предреченныя ростовския, и собрася со всем домом своим, и со всем родом своим, и переселися от Ростова в Радонеж».

Присоединим еще два слова из Софийского временника о Твери:

«Тогда же вси бояре приехаша тверские служити к великому князю на Москву, не терпяще обиды, занеже многи от великого князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях, где межи сошлись с межами: где не изобидят московские дети боярские, то пропало, а где тверичи изобидят, а то князь велики с поношением посылает и с грозами к тверскому, а ответом его веры не имет, а суда не даст».

Если бы захватить еще подальше, то можно бы отыскать, прежде жалоб на Москву, жалобы на Владимир, муромские, рязанские и т. д.

В насилии, надо признаться, Москва, в свое время, не уступала своему преемнику. Вспомним Иоанна III, который велел отсечь головы первому своему боярину и родственнику, князю Патрикееву¹³, вместе с его сыновьями, и князю Ряполовскому, сыну спасителя его жизни в детстве, не говоря уже о казнях новгородских. Вспомним Василия, который уморил многих своих родных, заточил Максима Грека¹⁴, велел отрезать языки у своих порицателей и вместе был предан обычаям, привезенным в Москву софиинными греками, что замешали русскую землю. Вспомним борисово время, омраченное гнусными доносами. Не говорю уже о страшном правлении Иоанна Грозного, который душил без разбора правых и виноватых. Странное явление представляют у нас исторические толки: в то время, как чувствуется этот изверг, поврежденный, вне всех человеческих вероятностей, мучимый какой-то сверхъестественной жаждой крови, не думавший ни о каких государственных целях, при своих душегубствах, в то время осуждаются меры Петра, устремленные к спасению Отечества и вместе утвердившие вожделенную по этой системе власть. Новое доказательство, как не прочно у нас историческое образование, как мало распространены верные и здоровые понятия и лица и вещах, как мы легкомысленно, опрометчиво и односторонне строим системы и теории, одна другой пустее и нелепее, перезабывая действительные события.

Насилие при Петре только что продолжалось, а не началось. Это *девятый тезис*. Он только что приложил эту систему пошире, подалее и посильнее, соответственно целям, при множестве своих дел и предприятий.

Да, она и везде была одинакова, естественная система, необходимая ступень в развитии государств. Перескочить ее было нельзя, и никто не видел надобности в то время, а в наше время эта надобность обнаружилась, — ну вот теперь новое воочию и совершается!

XI

Нам остается говорить о личном характере Петра I. В последнее время легло на его память много темных пятен, вследствие вновь открытых документов, принадлежавших до сих пор к государственным тайнам. Еще Пушкин, начав заниматься собиранием материалов для истории Петра, говорил мне, что при ближайшем знакомстве Петр теряет, а Екатерина выигрывает. Положим, что все это так, но для произнесения приговора Петру в этом отношении надо иметь в виду его время и твердо помнить Тацитово различие между *vitia hominis* и *vitia saeculi*; надо внимательно рассматривать обстоятельства, в каких Петр действовал. Это *десятый тезис*.

Петр был деспот в том смысле, что он чувствовал свое превосходство и знал свою силу. К этому прибавить должно, что он в самом начале своей жизни увидел русское правительство с дурной его стороны, возненавидел тогдашние распоряжки, известные ему по одним его окружениям, почувствовал презрение к образу жизни, и в особенности, боярскому тунеядству. Он увидел другое между иностранцами, услышал чудеса от них о Европе, познакомился с ней сам, своими глазами, и определил свою цель. С железной своей волей он принялся ломать. Все препятствия должны были пасть перед его волей: жена, сын, сестры, родственники и любимцы. Он был жесток, неумолим, бесчеловечен в этих случаях, казнил без милосердия, одним словом, Петр являлся ужасным тираном, и мы должны благословлять время, когда подобный образ действий не только делается невозможным, но и подвергается безусловному общему осуждению.

В оправдание, очень слабое, можно сказать, что противная сторона, со стрельцами, взяв верх, не оказалась бы мягкосердечнее, как для него, так и для всей его компании.

По розыску Алексееву ясно видно, что Петру, его любимцам и сотрудникам грозили великие опасности; он хотел предупредить их, застраховать свое создание, и, разумеется, в средствах нечего искать у него разборчивости.

Что сказать о его оргиях? Проведя день в непрерывной работе, с утомленным вниманием, переделав тысячу дел самых разнообразных, в продолжении пятнадцати часов, петрова атлетическая натура имела необходимость в особом рода отдыхе, развлечении, о котором мы, с нашими головными болями, слабостью желудка, страхом подагры и хирагры, с нашими тиками и ревматизмами, и понятия иметь не можем. Присоедините его темперамент, его силу, его рост. Впрочем, кощунство его, спору нет, противно, хотя и тут часто имел он политические цели, очень уважительные.

Всех основательнее и глубже судил о Петре все-таки Карамзин, которого наше легкомысленное невежество, боящееся его ладана, не перестает поносить. Указываем на его записку «О Древней и Новой России», к удивлению и сожалению, до сих пор еще не напечатанную полностью.

ХII

Осуждая Петра за его действия, противники, тем не довольные, взыскивают с него и за весь петербургский так называемый период, как мы заметили выше Это в высшей степени несправедливо. Внимательные исследователи замечают в самом Петре в последние годы значительное изменение в образе действий. Пожив дольше, успокоясь, утвердись, он, может быть, повел бы дело иначе и сам исправил бы некоторые свои ошибки. Но, повторяю, об этом говорить нечего. Довольно сказать, что за преемников он не отвечает: это *одинадцатый тезис*. Они могли уничтожить все вредное по усмотрению. Так, например, Анна¹⁵ уничтожила же майорат¹⁶. Майорат, учреждение, не согласное с духом народа, несогласное с преданиями, историей, — вот оно и не удержалось, а прочее, видно, пришлось ко двору.

Мы скажем здесь кстати несколько слов о петербургском периоде. Ужасные страницы представляет он: подражатели доходили часто до крайностей, как случается с подражателями во всех сферах. Нельзя же не сознаться, что этот период имеет много и блистательных страниц. Он может выставить несколько славных личностей, которые имеют полное право на почетное место в пантеоне «Русской истории». Мы припомним здесь толь-

ко, что указ об основании Московского университета в 1755 году последовал из Петербурга, что Петербург возвратил России ее области, потерянные Москвой: Белоруссию, Волынь, Подолию, часть Малороссии, что Петербург приобрел южную Новороссию с Крымом, утвердил владычество за Кавказом и в устье Амура, на берегах восточного океана, что Петербург провозгласил свободу крестьян, закабаленных в продолжение московского периода; что Петербургу принадлежат: Кантемир¹⁷, Ломоносов, Сумароков, Державин¹⁸, Дмитриев¹⁹, Хемницер²⁰, Богданович²¹, Фонвизин, Озеров²², Крылов, Пушкин, Лермонтов; что в Петербурге напечатана «История Государства Российского» Карамзина.

Нет, двухсот лет с этими событиями, с этими именами, — из истории вычеркнуть, исключить нельзя.

Петербургская система началась в Москве, и была только довершена и увенчана Петром. Она имела свою историческую необходимость, как мы старались доказать. Время оказало над нею, дошедшей до крайности, свое разрушительное действие. Она износилась, обветшала, точно так же, как обветшала древняя московская система, в известном отношении, перед временем Петра, точно как обветшала удельная система перед временем Москвы, точно как обветшала древняя патриархальная система перед призванием Рюрика²³.

Петербургская система отжила свой век, — и вот новые учреждения²⁴, получаемые нами с каждым днем, за которые, кроме их творцов, мы должны благодарить все-таки Петра Великого, ибо с ядом, — допустим это слово в угоду безусловных поклонников национальности, — он дал и противоядие, то есть средства к образованию и самосознанию.

Девятнадцатым февраля, что бы кто ни говорил, Петербург начал новую эру в русской истории.

Теперь мы должны благодарить Бога что, так или иначе совершаются те дела, которые призывали мы столько лет, от молодых ногтей до седых волос, всей силой своей души. Исправление, улучшение, усовершенствование зависит от времени, и от нас самих гораздо больше, чем зависело от нас начало, за которое денно и нощно мы должны благодарить царствующего ныне государя.

Петр Великий, находясь в особых, исключительных обстоятельствах, не имея времени и возможности действовать осмотрительно, открыл слишком свободный доступ иностранным элементам: надо заботиться об их уравнивании. Увлекаемый духом преобразования, он стер некоторые черты: надо стараться

об их возобновлении. Петр уничтожил некоторые национальные учреждения в жертву необходимой для него централизации, — нужно печься об их возобновлении. Вообще, поступать должно не с голоса, не произвольно, не насильственно, как делалось часто прежде, осторожнее, скромнее, тише, наконец, разумнее, соответственно с историей, с народным духом и характером, обычаем, языком, преданием, почтительнее к прошедшему, то есть, удерживая из петровой реформы все дельное и доброе, мы должны присоединить к тому, восстановить все годное из народной жизни древней, средней и новой, сколько ее осталось или сохранилось. Вот и все, чему ведут нас обстоятельства, чего ожидает от нас время! Петров скачок вы осуждаете; так зачем хотите скакать сами? Ведь это противоречие!

Для достижения вышеупомянутой цели советуют еще сливаться с народом.

Мне кажется, в этом изречении играют слишком большую роль слова. Нужно было бы объяснить слияние с народом: в чем состоит оно?

Отпустить бороду, надеть зипун, обуться в лапти, приняться даже за соху ровно ничего не значит: от этого не произойдет никакой пользы ни для нас, ни для народа, ни для общего дела.

Мы должны изучать старину, трудиться над ее вразумлением, принимать к соображению ее опыты, пользоваться ее указаниями, развивать ее добрые семена, загложшие в период петербургский, присматриваться к народу, прислушиваться, наблюдать все его движения, знакомиться со всеми его приемами, изучать его привычки, взгляды, и на основании всех этих данных вести его дальше вперед, учить, воспитывать, а без нас он ничего не сделает или сделает очень мало, как то было и доселе.

В чем же иначе полагать можно слияние с народом? Очень был бы я благодарен, если бы кто-нибудь разрешил мое недоумение.

ХІІІ

Признавая необходимость, законность и разумность петровой европейской реформы, должно отдавать справедливость и древней русской истории. Отчаянные западники (впрочем, таких осталось немного) не допускают ничего хорошего в древней русской истории, так как и вообще в русской жизни. Этим господам, как я писал когда-то, становится больно, дурно, тошно, если кто-нибудь укажет там добрую сторону: похвалой ей, самой

частной, самой условной, наносится им тяжкое личное оскорбление; это их несчастье.

Здесь я могу сослаться на давнишнюю свою статью, напечатанную лет двадцать тому назад, в начале войны между славянофилами и западниками. Отстаивая Петра перед первыми, я должен был сражаться за древнюю историю с последними. Через двадцать лет приходится доказывать то же, впрочем, с лучшей надеждой на успех, потому что большинство порядочных людей соглашается ныне с основаниями, здесь изложенными.

«В № 25 “Московских ведомостей” (1845 г.) помещена статья под заглавием “Бретань и ее жители”, статья прекрасно написанная, легкая, ясная, живая, — я прочел ее с большим удовольствием. Но мое удовольствие было не из примеси: автор, воздавая хвалу западным хроникам средних веков, рассудил почему-то бросить тень на наши и как будто со страданием произнес, что средний век не существовал для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него».

В 1830-х годах, излагая в одном из журналов того времени систему «Европейской истории» Гизо²⁵, только что появившемуся у нас, я имел честь заметить знаменитому профессору о его односторонности и сказать, что истории Запада нельзя выразуметь вполне, не обращая внимания на другую половину Европы, на историю Востока, шедшего с ним параллельно, Востока, который представляет значение для науки видоизменения всех западных учреждений и явлений: точно так натуралист должен исследовать все произведения, все виды, принадлежащие к одному классу, если хочет составить себе полное основательное понятие об этом классе.

Не думал я, чтобы через пятнадцать лет, — когда наука ступила столько шагов вперед, после того как издано в свет столько свидетельств, доведших эту мысль до очевидной убедительности, пришлось мне повторить тот же упрек своему соотечественнику, который, увеличив сверх меры ошибку, не может даже привести и оправданий Гизо.

Не странно ли в самом деле, чтобы в то время, когда одна археографическая комиссия издала томов двадцать древних документов, не говоря о частных трудах, не странно ли встретить, даже в образованном классе, людей столь запоздалых, столько отсталых, или столько ослепленных, которые, имея перед своими глазами петрову Россию, могут смело, не выговаривать, что этот колосс, готовый и вооруженный, произошел из ничего, без всякого предварительного приготовления, без среднего века, — людей, которые не хотят даже слушать другой стороны, стараю-

щейся понять, объяснить это всемирное историческое явление, отыскать причины, ближние и дальние, его постепенности, — людей, которые решились с непонятным упорством коснетъ в своем непростительном неведении и даже распространять свое мнение, которые просто затыкают себе уши, зажимают себе глаза, восклицая с Чванкиной Княжна 26:

Хоть вижу, да не верю!

Средний век у нас был, скажу я неизвестному автору, был как и в Западной Европе, но только под другой формой; тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями. Это различие и составляет собственно занимательность, важность русской истории для мыслящего европейского историка и философа. И у нас было введено христианство, только иначе, мирно и спокойно, с крестом, а не с мечом; и мы начали молиться единому Богу, но на своем языке, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у нас образовалось духовенство, но духовное, а не мирское; и мы преклонялись пред ним, но пред его словом и убеждением, а не властью. В политическом отношении были также разделение, междоусобная война, централизация, единодержавие. У нас не было, правда, западного безземельного рабства, не было пролетариев, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиции, не было феодального тиранства, зато были значительное самоуправление, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка: одним словом, в среднем веке было у нас то, о чем так старался Запад уже в новом, не успел еще в новейшей, и едва ли может успеть в будущем. Мы явили свои добродетели и свои подвиги, мы имели свои прекрасные моменты, мы можем указать на своих великих людей...

Но довольно! Доказывать, что русская история имела свой средний век, не значит ли доказывать, что белокурый может так же называться человеком, как и черноволосый? Не значит ли доказывать, что между всякими двумя краями всегда бывает середина?

Неизвестный автор не может уклониться от моего обвинения тем, что он отрицал существование на Руси только западного среднего века, — не может, ибо об этом говорить нечего. Разве нужно сказывать, разве нужно кому-нибудь напоминать, что на Руси не было, например, Парижа или Лондона? Это знает всякий, и не будет спорить никто. У нас, разумеется, не было Парижа, но была Москва; у нас не было западного среднего века, но

был восточный, русский, — что и хотел я доказать, довести до сведения автора и его читателей, а может быть, и последователей.

Петр Великий, по необходимости, вследствие естественных географических отношений России к Европе, должен был остановить народное развитие и дать ему на время другое направление. Кто из нас не воздаст должной чести этому необыкновенному гению, кто не удивляется его беспримерным трудам, кто не оценит его спасительных подвигов, кто, наконец, не благоговеет перед его любовью к Отечеству?

Но прошло уже с лишком сто лет, как он скончался и с лишком полтораста, как он начал действовать, а новое время идет быстрее древнего. Период петров оканчивается: главнейшая цель его достигнута, то есть северные враги наши смиренны, Россия заняла почетное место в политической системе государств европейских, приняла в свои руки европейское оружие и привыкла обращаться с оным с достаточной ловкостью, может по усмотрению употреблять все европейские средства и пособия для дальнейшего развития своей собственной, на время замиравшей жизни, во всех ее отраслях. Занимается заря новой эры: русские начинают припоминать себя и уразумевать требования своего времени; для избранных становится тяжким иностранное иго, умственное и ученое; они убеждаются, что, склонясь под оным, они не могут произвести ничего самобытного, что чужеземные семена не принимаются, не пускают корней или производят один пустоцвет; они убеждаются, что для собрания собственной богатой жатвы нельзя поступать иначе, как возделывать свою землю, то есть разрабатывать свой язык, углубляться в свою историю, изучать характер, проникать дух своего народа, во всех сокровенных тайниках его сердца, на всех горних высотах его души, одним словом, познавать самих себя. Они убеждаются, что настало время испытывать свои силы, — и блестящий успех вознаграждает некоторые усилия!

Время безусловного поклонения Западу миновало, разве от лица людей запоздалых, которые не успели еще доучить старого курса, между тем как начался уже новый. Им можно посоветовать, чтобы они постарались догнать уходящих, и стать наравне со своим веком, в чувствах уважения к самобытности, следовательно, своенародности, и, следовательно, старины.

Только таким образом, продолжу я им наставление, можем мы исполнить ожидания самой Европы, ожидания всех друзей общего блага, только таким образом можем мы исполнить свои человеческие обязанности. Мы должны явиться на европейской сцене, стану употреблять их любимые выражения, своеобраз-

ными индивидуумами, а не безжизненными автоматами; мы должны показать там свои лица, а не мертвенные дагерротипы каких-то западных идеалов. Своим голосом должны мы произнести наше имя, своим языком должны мы сказать наше дело, а не на чуждом жаргоне, переводя из немецкого компендиума и французской хрестоматии; наконец, посредством своих мотивов мы должны выразить наш пафос: иначе нас не примет наша старшая братия; с презрением, или много-много с состраданием они отвратят взоры от жалких подражателей, которые тем несчастнее, чем кажутся себе счастливее. В гармонии не допускаются отголоски, даже самые верные, не только фальшивые, а одни самобытные звуки.

Оставляя шутки, я должен заключить это объяснение о том, как понимаю я и некоторые друзья мои наше время касательно науки, какими представляются нам наши обязанности, наши отношения к ученой Европе и Отечеству, — заключить ответом на литературную клевету, возводимую на нас с самых первых номеров «Москвитянина», то есть с 1841 года²⁷.

На нас разносят клевету, будто мы не уважаем Запада. Нет, мы не уступим нашим противникам в этом чувстве уважения; мы изучали Запад, по крайней мере, не менее их; мы дорого ценим услуги, оказанные им человечеству; мы свято чтим тяжелые опыты, перенесенные им для общего блага; мы питаем глубокую благодарность за спасительные указания, которые сделал он своим собратьям; мы сочувствуем всему прекрасному, высокому, чистому, где бы оно ни проявлялось, на западе и востоке, севере и юге, — но мы утверждаем, что старых опытов повторять не нужно, что указаниями пользоваться должно, но не все чужое прекрасно, что время показало на Западе многие существенные недостатки, что, наконец, мы должны иметь свой собственный взгляд на вещи, а не смотреть по-прежнему глазами французов, англичан, итальянцев, пруссаков, австрийцев, баварцев, венгров и турок. Ясно ли теперь для читателей, что эту клевету разносят на нас напрасно!

Напрасно разносят на нас еще клевету, что мы хотим воздвигнуть из могилы мертвый труп. Мертвый труп противен нам, может быть, более, нежели кому иному. Нет, душа бессмертная, которая обитала в этом трупе, привлекает наше внимание, возбуждает наше благоговение. И в каком западном просвещенном государстве, в каком немецком университете давно ли изучение древности, даже мексиканской, эфиопской, стало награждаться подобной насмешкой, называться намерением воскрешать мертвецов?

Напрасно возводят на нас клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старине. Нет, неподвижность старины нам противна столько же, как и бессмысленное шатанье новизны. Нет, не неподвижность, а вечное начало, русский дух, веющий нам из заветных недр этой старины, мы чтим богобоязненно и усердно молимся, чтоб он никогда не покидал святой Руси, ибо только на этом краеугольном камне она могла стоять прежде и пройти все опасности, — поддерживается теперь и будет стоять долго, если Богу угодно ее бытие. Старина драгоценна нам, как родимая почва, которая упитана, не скажу кровью, — кровью упитана западная земля, — но слезами наших предков, перетерпевших и варягов, и татар, и Литву, и жестокости Иоанна Грозного, и революцию Петра Первого, и нашествие двадцати языков, и наваждение легионов духов, в сладкой, может быть, надежде, что отдаленные потомки вкусят от плода их трудной жизни, а мы, несмысленные, мы хотим только плясать на их священных могилах, радуемся всякому пустому поводу, ищем всякого предлога, даже несправедливого, надругаться над их памятью, забывая пример нечестивого Хама²⁸, пораженного на веки веков, в лице потомства, за свое легкомыслие.

Неизвестный автор статьи о Бретани, которая подала мне повод выразить теперь свое мнение, бросил также, может быть, нечаянно, камень в древнюю нашу историю, сказав с насмешкой, что «мы хоть недавно, но решительно распростились со своей неподвижной стариной, с безвыходным застоем кошихинской эпохи, и благодаря Богу и Петру Великому, пошли вперед путем обновленной жизни и многосторонней деятельности».

«Благодарю за выбор представителя!»

Избави нас, Боже, от застоя кошихинской эпохи, но и сохраните нас, высшие силы, от кошихинского прогресса, — прогресса Кошихина, который изменил своему Отечеству, отрекся от своей веры, переименовал свое имя, отказался от своего семейства, бросил своих детей, женился на двух женах и кончил свою несчастную жизнь от руки тех же иноплеменников, достойно наказанный за свое легкомысленное и опрометчивое отступничество!..»

Заклучу длинную статью общим местом: крайности никуда не годятся; с западной ли стороны упасть в пропасть нигилизма, или с восточной — все равно: прямая дорога посередине.

